

Лапша подавалась в прозрачном курином бульоне. Сверху оседало яйцо-пашот с растекающимся жидким желтком, сбоку зеленели свежие стебли зелени, а на столе стояло несколько пиал с аппетитными закусками.

У Шэнь Цзя аппетита не было вовсе. Он сделал пару вялых движений палочками, мечтая лишь об одном — поскорее оказаться в полицейском участке. Однако Чжоу Цзыфэй ел неторопливо и основательно, с таким видом, будто намеревался очистить посуду дочи́ста, прежде чем сделать хоть шаг из дома. К тому же он то и дело поглядывал на Шэнь Цзя и заботливо понукал: отчего тот не ест — неужели лапша не удалась?

Поторопить его Шэнь Цзя так и не решился. Пришлось смиренно взяться за еду, и сам того не заметив, он одолел всю пиалу. Горячая пища заполнила пустой желудок; поднявшись со стула, он с облегчением почувствовал, что головокружение и слабость в ногах отступили.

Заметив, как к мертвенно-бледным щекам Шэнь Цзя вернулся слабый румянец и как тот смущенно прикрыл рот, сдержав тихую отрыжку, Чжоу Цзыфэй едва заметно улыбнулся. Они вышли из дома.

Прибыв в участок, они первым делом встретились с человеком, подавшим заявление.

— Вы родственники Шэнь Цяньлуна?

Мужчина сперва окинул взглядом Чжоу Цзыфэя. Увидев, что тот абсолютно спокоен и никак не реагирует, он перевел взор на Шэнь Цзя.

— Я его сын. Мы практически не общаемся. Сколько он должен? — Шэнь Цзя тоже не дрогнул: к этому дню он готовился давно.

— Миллион двести тысяч.

При этой цифре пальцы Шэнь Цзя судорожно сжались, но он удержал лицо и не произнес ни слова. Чжоу Цзыфэй хмуро глянул на заявителя, и тот мгновенно уловил подтекст этого взгляда.

— Для меня сумма не так уж велика, я закрою эту брешь, — с пылом выкрикнул мужчина, явно питая к Шэнь Цяньлуну глубокую ненависть. — Но этого гада я упеку за решетку! И не думайте меня упрашивать: даже если вернете деньги до последнего юаня, я их не возьму!

Шэнь Цзя не интересовали причины их вражды. Ему было плевать. Но в этот миг грудь его захлестнуло неконтролируемое, дикое возбуждение. Дыхание сбилось, каждая клетка тела вопила лишь об одном: Шэнь Цяньлун должен сгнить в тюрьме!

— Учитель Шэнь? — тихо окликнул его Чжоу Цзыфэй, накрывая его ладонь своей.

Шэнь Цзя тут же судорожно вцепился в него. Пальцы до боли впились в руку Чжоу Цзыфэя, ноги и руки била холодная дрожь.

— Понимаю. Я не стану подавать апелляцию, не буду просить за него и уж тем более не выплачу ни гроша. Пусть всё идет строго по закону.

Заявитель опешил: этот хрупкий, изящный мужчина поднял голову, и в его глазах, казавшихся поначалу мягкими и кроткими, вспыхнула жестокая, кровавая решимость.

Уладив формальности, полицейский поинтересовался, не хочет ли Шэнь Цзя увидеться с задержанным. Если нет, на следующей неделе дело передадут в суд, и тогда свидания будут возможны только в колонии.

— Да. Я хочу его видеть.

Отклонив предложение Чжоу Цзыфэя пойти вместе, Шэнь Цзя один переступил порог комнаты для задержанных.

В небольшом помещении горела лишь тусклая белая лампа. Шэнь Цяньлун, сидевший на стуле, исходил желчью и метался из стороны в сторону. Углядев сына, он дернулся было вперед, но наручники больно впились в запястья, приковав его к месту.

Страх не было. Шэнь Цзя спокойно отодвинул стул напротив и опустился на него, пристально разглядывая отца.

Внешне они почти не походили друг на друга. Шэнь Цзя унаследовал черты матери, Лу Хэ: утонченный овал лица и глаза, в которых от природы таилась мягкая улыбка.

— Шэнь Цяньлун, скоро тебя упрячут за решетку, — проговорил Шэнь Цзя. Голос его звучал негромко — привычка воспитателя детского сада сказывалась даже сейчас.

Однако эти тихие слова подожженным фитилем разорвались в ушах Шэнь Цяньлуна.

— Заткни пасть! — заорал он, брызжа слюной. — Живо придумай, как вытащить меня отсюда, сука, иначе я из тебя всю душу выбью!

Шэнь Цзя не задрожал, как бывало прежде. На его губах появилась едва заметная усмешка.

— Я ничем не могу тебе помочь. Ты сам сделал этот выбор. Так что лучше подумай, как будешь выживать на нарах.

— Ах ты мразь! Не вытацишь — я слив устрою! Все твои фотки и видео в сеть залью! Этот красноволосый сопляк еще ничего не знает, да?! Я ему открою глаза, скажу, что ты — обычная подстилка, грязная дрянь, которую щупали и рассматривали вдоль и поперек!

Шэнь Цяньлун визжал, совершенно потеряв контроль над собой. Он и не соображал, что комната прослушивается и ведется непрерывная видеофиксация. За дверью полицейские тут же пришли в движение: к делу добавилась еще одна статья — вымогательство и шантаж.

Шэнь Цзя ничего не ответил. Он молча задрал рукава, обнажив испещренные шрамами предплечья.

— Помнишь это? — он указал на след от ожога. — Мне было десять, когда ты впервые потушил об меня сигарету. А вот это — ты полоснул ножом, когда я пытался вырваться из подвала... А тут...

Шэнь Цзя расстегнул верхние пуговицы рубашки и ткнул пальцем в два выпуклых багровых рубца.

— А этим ты наградил меня, когда я засек, как ты ставишь скрытую камеру в моей спальне.

Он поднялся, сделал шаг к отцу и одной рукой задрал край кофты, показывая изувеченный живот, а другой со всей силы прижал голову Шэнь Цяньлуна книзу, заставляя смотреть на старые отметины.

— Здесь было больно сильнее всего. Когда ты прижал к моей коже кипящий чайник, я отчетливо слышал запах паленого мяса.

В мутных глазах Шэнь Цяньлуна на мгновение мелькнуло изумление — неужели это сделал я? Неужели я сотворил такое с собственным сыном?

Но в душе Шэнь Цзя не осталось ни печали, ни боли. Лишь ярость.

Безграничная, черная ярость, о существовании которой он даже не подозревал.

— Как ты мог забыть?! Ты же мой отец!

Шэнь Цзя сжал пальцы на его волосах, со всей силы запрокинув голову отца назад, заставляя смотреть себе прямо в глаза. От боли тот взвыл.

— Я не стану тебя спасать. Никогда! Ты называешь меня грязной дрянью? Пусть так! Но ты скоро превратишься в еще более мерзкое отродие! Ты отсидишь десяток лет и сдохнешь на параше, гнилой и никому не нужный!

— Отпусти! Сволочь,пусти! — визжал Шэнь Цяньлун. — Подумаешь, отходил тебя пару раз! Раньше лежал подо мной как падаль, а теперь нашел себе мужика и возомнил себя хозяином?! Да я твоему ухажеру прямо сейчас выложу, как тебя с самого детства щупали! Расскажу ему про Юй Сяньхана, про то, как он тебя ублажал! Посмотрю я, останется ли он с тобой после этого!

Внутри Шэнь Цзя будто вспыхнул пороховой погреб. Вены налились свинцом. Сжав кулак, он со всей дури грохнул головой Шэнь Цяньлуна о деревянную столешницу.

Глухой, страшный «бум!».

Еще раз! И еще!

Впервые в жизни Шэнь Цзя ощутил, как в нем просыпается кровь этого монстра. Насилием смыть насилие. Жажда растерзать гада клокотала в нем, зверем рвалась наружу, требовала заставить Шэнь Цяньлуна испытывать ту же дикую боль.

Но этот же зверь терзал и его собственную душу.

Дверь с грохотом распахнулась.

— Не смей! Прекратить!

— Учитель Шэнь!

— Быстро проверьте задержанного!

В комнате поднялся гвалт. Ворвавшиеся полицейские вместе с Чжоу Цзыфэем оттащили Шэнь Цзя. Шэнь Цяньлун, у которого из разбитого носа хлестала кровь, а на лбу наливался багровый синяк, вопил во всё горло: «Убивают! Охрана, меня убивают!».

Шэнь Цзя диким взглядом прикипел к окровавленному лицу отца, и внезапно его забила крупная дрожь.

Организмом овладел судорожный приступ. Дыхание стало частым, поверхностным и паническим, лицо помертвело, а пальцы рук сжались в неглубоком, скованном спазмом птичьим когте. Прижав ладони к груди, он глотал воздух, не в силах сделать полноценный вдох.

— Малыш... Тише, милый, расслабься, — Чжоу Цзыфэй подхватил его на руки, подпирая и увлекая прочь из душной каморки. — Ну-ка, задержи дыхание. Посчитай до трех... Вот так. А теперь медленно выдыхай. Не торопись.

Спина Чжоу Цзыфэя покрылась холодным потом, руки дрожали от напряжения, но голос оставался нежным и убаюкивающе спокойным. Накрыв ладонью нос и рот Шэнь Цзя, он сбивал бешеный ритм гипервентиляции и ласково поглаживал его по спине.

Постепенно судорожные всхлипы утихли, а посиневшие губы снова обрели естественный живой оттенок.

— Давай присядем. Подайся немного вперед... Не бойся, я держу тебя, ты не упадешь.

Шэнь Цзя разжал пальцы, судорожно цеплявшиеся за рукав Чжоу Цзыфэя. Его ледяные кисти тут же утонули в чужих теплых ладонях.

Боль в груди понемногу отступила, но липкий пот продолжал струиться по телу, подмачивая пряди волос на бледном загривке.

«Он всё узнал, — отчаянно подумал Шэнь Цзя. — Все те грязные, уродливые тайны, о которых я молчал годами... Всё вылезло наружу».

Но раскаяния не было. Он хотел, чтобы этот изверг при поливанах сам признался во всех своих зверствах, хотел упечь его за решетку на максимальный срок. Ошибка была лишь в одном: он переоценил свои силы. Встретившись лицом к лицу с прошлым, швырнув отца головой о стол, он не почувствовал сладкого вкуса мести. Увидев кровь, он ушел в пике паники — ему показалось, что он сам превратился в такого же монстра, в такого же «Шэнь Цяньлуна».

— Учитель Шэнь, тебе получше?

Чжоу Цзыфэй присел перед ним на корточки и бережно взял его лицо в свои ладони.

Шэнь Цзя поднял глаза. Перед ним стоял Чжоу Цзыфэй — в его взгляде читалась такая искренняя, ничем не омраченная тревога, а теплые пальцы без остатка стирали со щек слезы и пот.

Они сидели так близко, что ощущали дыхание друг друга.

— Учитель Шэнь только что задал хорошую трепку своему обидчику, да к тому же этого гада скоро закроют. Разве это не повод для радости? — Чжоу Цзыфэй мягко улыбнулся, пытаясь разрядить обстановку.

Но слезы у Шэнь Цзя лились в три ручья. Он не понимал, почему Чжоу Цзыфэй всё еще здесь. Почему он не брезгует касаться его, грязного и сломанного?

— Учитель Шэнь, вырасти в таких условиях, не ожесточиться, остаться нежным и сильным

человеком — это невероятный подвиг, — тихо проговорил Чжоу Цзыфэй. — Ты справляешься просто блестяще. Ты молодец. Сегодня ты защитил того маленького себя, которым был когда-то.

Он прислонился своим лбом к лбу Шэнь Цзя. В его глазах плавала бесконечная, светлая ласка.

— Нет... Неправда... — сбивчиво пролепетал Шэнь Цзя. — Я плохой... Я набросился на него... Я не сдержался... Я такой же, как он...

Чжоу Цзыфэй прижал большой палец к его губам, не дав договорить.

— Послушай меня, Шэнь Цзя. Послушай внимательно. Ты и Шэнь Цяньлун — совершенно разные люди. Он — бездушная, хладнокровная мразь. А у тебя — живое, доброе сердце. Вот здесь...

Вторая ладонь Чжоу Цзыфэя легла на его грудь.

— Тук-тук. Слышишь? В нем живет любовь. Ты умеешь заботиться и сострадать. Как ты можешь быть похожим на него?

Чжоу Цзыфэй переплел свои пальцы с его пальцами, заставляя чувствовать бешеный, живой ритм.

— Знаешь, о чем говорит твое сердце? Оно говорит: «Шэнь Цзя, не смей наговаривать на себя». Ты — самый храбрый и сильный мальчик на свете. И самый добрый, самый лучший Учитель Шэнь.

Он обнял Шэнь Цзя за мокрую от пота шею и притянул к своему плечу, уткнув в него лицом.

— Поэтому никогда не говори, что ты плохой. Ничто из произошедшего не было твоей виной, и ты не обязан был это терпеть. Гнев, обида, боль — всё это абсолютно нормально. Ты имеешь на них полное право.

Перед глазами Шэнь Цзя всё потемнело. Теплая, сильная рука гладила его по затылку, снимая спазм с зажатой шеи.

И от этой правильной, спасительной ласки Шэнь Цзя вдруг обмяк. Напряжение, раздувавшее его изнутри как перекачанный шар, лопнуло.

Сначала вырвался лишь глухой всхлип. А затем — безудержный, оглушительный плач.

В этот миг он наконец скинул с себя тяжелую броню и превратился в ребенка, которому разрешили рыдать навзрыд.

Ему просто нужен был кто-то, кто скажет: ты не обязан смиряться с болью. Ты имеешь право злиться, обижаться и кричать.

Раньше отец твердил, что его мало били. Позже Юй Сянхан заявлял: «Просто сиди за моей спиной, я обо всем позабочусь», — не оставляя ему права выплеснуть накопленный яд. А после свадьбы Юй Сянхан часто донимал его упреками: «Я столько лет берег тебя и опекал. Чем ты опять недоволен?». И под давлением этих слов Шэнь Цзя замкнулся, научившись глушить свои страдания, стесняясь говорить о прошлом. Ведь Юй Сянхан и так «идеален», зачем обременять его своими проблемами?

Да, обременять... Шэнь Цзя и сам не заметил, как привык считать себя и свою боль обузой.

И вот теперь появился человек, который увидел все его шрамы, всю грязь его прошлого — и не отвернулся. Он принял это с абсолютным спокойствием, утвердив его право на гнев и слезы.

...

Шэнь Цзя до боли в пальцах вцепился в одежду Чжоу Цзыфэя, утопая лицом в его плече. Он соскользнул со стула, опустившись на колени прямо на холодный пол, но Чжоу Цзыфэй тут же подхватил его, крепко прижав к себе.

Он свернулся птенцом в его руках, а широкая грудь Чжоу Цзыфэя стала надежным крылом, укрывшим его от всех бурь этого мира. Безопасным гнездом, в котором Шэнь Цзя хотелось остаться навечно.

<http://bllate.org/book/19971/1985869>